

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Эрендженова Ю.Ю. — Методологические основы исследования этического компонента буддийского символа веры // Философская мысль. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.11.68947 EDN: NEMWHG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68947

Методологические основы исследования этического компонента буддийского символа веры

Эрендженова Юлия Юрьевна

ORCID: 0000-0001-5387-9731

кандидат философских наук

ведущий научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова;
научная лаборатория "Комплексные буддологические исследования"

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11, ауд. 102

✉ yulia.er16@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия религии"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.11.68947

EDN:

NEMWHG

Дата направления статьи в редакцию:

11-11-2023

Дата публикации:

28-11-2023

Аннотация: Предметом исследования является методологический инструментарий для философского исследования этических идей, содержащихся в символе веры традиционных буддистов России — калмыков, бурят, тувинцев, алтайцев. Буддийская традиция этих народов сложилась на основе тибетского буддизма, который известен своей ориентацией на идеи Махаяны и практики Ваджраяны. Базисный текст, ежедневно декламируемый в этой традиции, называется «Прибежище» и в российском дискурсе переводится как «символ веры». В поисках избавления от страданий буддисты находят прибежище в Трех Драгоценностях — Будде, Дхарме, Сангхе, а также в духовном учителе как средоточии и манифестации этих священных объектов. Необходимость изучения этической составляющей буддийского символа веры обуславливает

актуальность его целостного, всестороннего анализа. Цель настоящего исследования заключается в обосновании философской методологии осмысления этического компонента текста «Прибежище», рецитируемого традиционными буддистами России.

Выбор методологических подходов, принципов и методов обусловлен философско-востоковедческой парадигмой, когда буддийские материалы рассматриваются в целостности, в их неразрывной связи с человеком и культурой. Важным дополнением является принятие во внимание идей отечественного буддолога О. О. Розенберга, ратовавшего за изучение «живой» традиции буддизма. Новизна исследования заключается в обосновании того, что целостное представление об этическом компоненте символа веры российских буддистов может быть получено в ходе сочетания трех подходов: философско-культурологического, философско-религиоведческого и философско-антропологического. Философско-культурологическое измерение позволит сосредоточить внимание на категориях буддийской этики, изложенных в тексте «Прибежище», и учесть комментарии буддийских авторов в соответствии с принципом «когнитивной скромности» межкультурной философии. Философско-религиоведческий подход допускает рассматривать этический компонент текста «Прибежище» в сотериологическом контексте и показать его место в структуре буддийского религиозного комплекса. Философско-антропологическое осмысление даст возможность выявить субъективное значение этического компонента текста «Прибежище» для самих буддистов. При опоре на первоисточники и обширный эмпирический материал, полученный в результате востоковедных исследований, такой комплексный философский анализ этической составляющей символа веры российских буддистов приведет к обнаружению оснований их духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова:

буддизм в России, буддийский символ веры, Прибежище, Три Драгоценности, буддийская этика, тибетский буддизм, буддийская культура, методология исследования, философское востоковедение, четыре безмерных

Исследование выполнено в рамках научного проекта РНФ № 23-28-00803 «Нравственный императив символа веры: стабилизация этических норм буддизма» <https://rscf.ru/project/23-28-00803/>

Введение

Проблема сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей российского общества обуславливает актуальность исследования этических идей, изложенных в базовых источниках религиозных культур и оказывающих значительное влияние на сознание верующих. В связи с этим важность приобретает изучение этических идей, содержащихся в основополагающих текстах традиционных буддистов России — калмыков, бурят, тувинцев, алтайцев.

Буддийская культура этих народов сложилась на основе тибетского буддизма, который известен своей приверженностью идеям Махаяны и практикам Ваджраяны [1, с. 933-936]. Базисный текст, ежедневно декламируемый в этой традиции, называется «Прибежище» и с подачи дореволюционных исследователей переводится как «символ веры» [Напр., 2]. В поисках избавления от страданий буддисты тибетской традиции находят прибежище в Трех Драгоценностях — Будде, Дхарме, Сангхе, а также в духовном учителе как средоточии и манифестации этих священных объектов. Каждый день буддиста

начинается с молитвы и принятия обета Прибежища, что подразумевает особую форму поведения [3]. Следование заветам текста «Прибежища» традиционно считается залогом успешной реинкарнации [4].

Так, буддийский символ веры обретает форму оплота и специфической гарантии решения жизненных трудностей при условии выполнения обета Прибежища. На основании этого исследователи делают вывод о том, что приверженцы тибетского буддизма, в число которых входят и российские буддисты, склонны полагаться на Три Драгоценности и обширный тантрический пантеон как источник спасения [5]. Однако, не совсем понятно, в какой степени это согласуется с буддийским учением, провозглашающим абсолютную ответственность человека за всё происходящее в его жизни, включая избавление от страданий.

В одном из культовых текстов, рецитируемых буддистами в качестве ежедневной предварительной практики, приводятся строфы из канонического писания: «Будды не смывают скверны существ, не устраняют их страданий, не передают им свои духовные реализации, существа освобождаются лишь благодаря учению об истине таковости» [6, р. 8]. В этом случае Три Драгоценности следует оценивать не только как источник спасения, но и как идеал, к которому стремятся буддисты, как их ориентир для самосовершенствования.

Из этого следует, что в буддийском символе веры должны быть прописаны нравственные императивы, придерживаясь которых верующие могут одновременно обрести спасение и приблизиться к своему идеалу. Выявлению этих императивов может способствовать целостное видение буддийского символа веры, его всесторонний анализ в рамках философской методологии. Исходя из этого цель настоящего исследования заключается в обосновании философской методологии осмысления этического компонента текста «Прибежище», ежедневно рецитируемого традиционными буддистами России.

Выбор методологических подходов, принципов и методов обусловлен философско-востоковедческой парадигмой [7], когда буддийские материалы рассматриваются в целостности, в их неразрывной связи с человеком и культурой. Важным дополнением является принятие во внимание идей отечественного буддолога О. О. Розенберга, ратовавшего за изучение «живой» традиции буддизма [8]. Данная методология позволила разработать программу исследования, согласно которой целостное представление об этическом компоненте символа веры российских буддистов может быть получено в ходе сочетания трех подходов: философско-культурологического, философско-религиоведческого и философско-антропологического.

Философско-культурологическое измерение этического компонента символа веры буддистов

Философско-культурологический подход к изучению буддизма позволяет рассматривать его как особую форму культуры, категории которой, в соответствии с теорией В. С. Степина, представляют собой мировоззренческие универсалии [9]. В системе этих категорий буддисты осмысливают окружающий мир и оценивают его. Данный подход к изучению восточных культур, а также собственно буддийской культуры, был применен в работах отечественных философов [10, 11]. Для выделения категорий ими были переведены и проанализированы основополагающие тексты буддийской культуры. Следуя этой методологии, необходимо осуществить перевод текста «Прибежище» и определить изложенные в нем идеи, которые наиболее полно характеризуют буддийские

этические представления. В первую очередь следует обратить внимание на следующие строки:

«Все живые существа счастье и причину счастья пусть обретут,

Все живые существа от страданий и причин страданий пусть избавятся,

Все живые существа со счастьем без страданий пусть никогда не расстанутся,

Все живые существа, от привязанности к близким и отвращения к дальним избавившись, пусть придерживаются равноственности!» [\[12\]](#).

Эти благопожелания соответствуют буддийскому понятию «Четыре безмерных» (тиб. tshad-med bzhi, санскр. апрамана), по-другому называемому «Брахмавихара», или «четыре обители Брахмы». «Четыре безмерных» — это безмерная любовь (тиб. byams-ra, санскр. майтри), безмерное сострадание (тиб. snying-rje, санскр. каруна), безмерная радость (тиб. dga'-ba, санскр. мудита), безмерная равноственность (тиб. btang-snyoms, санскр. уpekша). Эпитет «безмерные» подразумевает развитие этих качеств в отношении безграничного количества живых существ.

Для глубокого понимания этих категорий важно придерживаться принципа «когнитивной скромности», разработанного в межкультурной философии [\[13\]](#). Этот принцип требует признания равнозначности и равноценности западных и восточных культур, их теоретических и методологических разработок. Так, при осмыслении категорий буддийской культуры важно учесть комментарии буддийских авторов. Поскольку в тибетском буддизме существует дифференциация на школы Гелуг, Ньингма, Сакья, Кагью, то вполне оправданным будет обращение к работам их представителей: Его Святейшества Далай-ламы XIV [\[14\]](#), Дуджоме Ринпоче [\[15\]](#), Сакья Тричена Ринпоче [\[16\]](#), Калу Ринпоче [\[17\]](#).

В обобщенном виде комментарии буддийских учителей можно свести к следующим тезисам. Безмерная любовь предполагает искреннее пожелание того, чтобы все живые существа стали счастливыми, получив одно из лучших состояний перерождения либо достигнув наивысшего счастья просветления. Эта любовь больше, чем любовь матери к единственному ребенку. Безмерное сострадание — пожелание того, чтобы все существа поскорее освободились от всех типов сансарических страданий (страдание страдания, страдание перемен, всеобъемлющее страдание). Безмерное сострадание больше других качеств способствует трансформации сознания, когда сострадающий проявляет готовность забрать себе страдания других и взамен отдать им свое счастье.

Безмерная радость — это состояние сорадования счастьем и процветанию других, в отсутствие зависти пожелание им испытать больше такого счастья. Чувство безмерной радости вызывает нечто схожее с благодарностью или признательностью перед другими за их доброту, проявленную в бесчисленных предыдущих жизнях. Безмерная равноственность толкуется как состояние ума, свободное от привязанности и отвращения ко всем живым существам, а также свободное от рассмотрения одних существ как близких, а других как далеких. Безмерная равноственность предполагает беспристрастное отношение ко всем.

«Четыре безмерных» рассматриваются как этические идеалы, которые приобретают смысл лишь в контексте альтруистической устремленности к просветлению (тиб. byang-chub-kyi sems, санскр. бодхичитта). На основании этого главным условием для развития

«четырёх безмерных» является интенция буддиста достичь наивысшей цели — просветления и обретения Тела Будды — ради блага всех живых существ. Наряду с этим, буддисты считают, что возможность развития «четырёх безмерных» присутствует в каждом живом существе в силу наличия в них постоянной и неизменной «природы Будды».

Каждый из приведенных тезисов требует тщательного исследования, поскольку не совсем понятно, каким образом возможен обмен страданием и счастьем, если принимать во внимание приверженность буддистов закону причинно-следственной связи. Возникает сомнение и по поводу реалистичности беспристрастного отношения ко всем, особенно в сочетании с любовью, подобной любви матери к единственному ребенку. Эти и другие вопросы могут быть сняты в ходе категориального анализа этического компонента буддийского символа веры.

Полученные результаты послужат основой для дальнейшего сопоставления буддийских идей с морально-нравственными ценностями других религий. Что касается самой концепции буддийского прибежища в Трёх Драгоценностях, то в одном из сравнительных исследований было обнаружено ее влияние на позднесредневековый даосизм [\[18\]](#). Несомненно, такой вывод значительно расширяет взгляд на роль буддизма в формировании традиционной китайской культуры. Подобное сравнение этических идей буддийского символа веры с нравственными идеалами добуддийских верований позволит оценить степень влияния буддизма на традиционную культуру калмыков, бурят, тувинцев, алтайцев.

В философском дискурсе компаративистские исследования проводятся с целью обнаружения абсолютных моральных ценностей, которые гипотетически присутствуют в мировоззренческих установках всех культур, и составляют основы «глобальной этики», либо опровержения этой гипотезы [\[19\]](#). Стоит отметить, что Далай-лама XIV снискал всемирную известность за популяризацию «секулярной» этики. В своей книге он предпринимает попытку доказать, что «четыре безмерных» не ограничиваются лишь религиозными представлениями, но оказываются весьма полезными и действенными для любого человека, в независимости от религиозных убеждений [\[20\]](#). Сравнительный анализ «четырёх безмерных» буддизма с этическими идеями других культур поможет изучить их потенциал для обоснования общечеловеческих ценностей.

Философско-религиоведческий подход к изучению этики буддийского текста «Прибежище»

Знание и понимание этических категорий буддийского символа веры дает возможность приступить к определению места этического компонента символа веры в структуре религиозного комплекса буддистов. Главная идея заключается в том, что символ веры рассматривается как своеобразный способ защиты верующих в контексте пяти измерений: на уровне языка, сознания, свойств, основ и практик [\[21\]](#). Посредством этой методологии внимание акцентируется на сотериологическом аспекте буддийского текста «Прибежище», поэтому реализация этических идей буддистами видится как их попытка спастись от личных страданий за счет соблюдения обета Прибежища.

Исследования зарубежных религиоведов показали, что постоянное памятование о Трёх Драгоценностях воспринимается верующими как создание условий для доверия и безопасности [\[22\]](#), а в жизни канадских иммигрантов из Шри-Ланки это привело к довольно положительным результатам [\[23\]](#). В Малайзии глубинное интервью с китайскими

буддистами доказало осознанное обретение ими буддийской идентичности вследствие обращения за прибежищем к Будде, Дхарме и Сангхе [\[24\]](#).

Сотериологический ракурс исследования в определенной степени обосновывает трактовку текста «Прибежище» как буддийского символа веры, несмотря на то, что понятие «символа веры» как краткого изложения основных вероучительных положений было разработано и используется в христианстве [\[25, с. 1165-1166\]](#). Если обратиться к тибетскому буддизму, то определение Прибежища сводится к непрерывному поиску в Трех Драгоценностях спасения от страха перед страданиями в неблагоприятных уделах [\[26, pp. 247-248\]](#). При этом, по мнению А. М. Донца, осуществлению «прихода к Прибежищу» наряду со страхом способствует надежда как психический элемент, обязательный для решения сотериологической задачи [\[27\]](#).

Взаимосвязь символа веры со страхом и надеждой обуславливает необходимость изучения психических предпосылок и психотехник в буддизме. Известный буддолог Е. А. Торчинов указывал, что буддийская религия ставит во главу угла психотехнический опыт как средство для «пробуждения» вслед за коренным учителем — Буддой [\[28\]](#). Психологический аспект буддийского символа веры следует искать в медитативной практике Прибежища, которая вкратце была изучена Б. А. Бичеевым [\[29\]](#).

Дальнейшее исследование психотехнической практики, совершаемой буддистами в ходе рецитации текста «Прибежище», позволит установить уровни и способы закрепления в сознании верующих этических установок, изложенных в этом тексте. Необходимыми материалами для такого исследования являются работы буддийских авторов, где приводятся инструкции по практике Прибежища. Одним из первых должны быть проанализированы рекомендации Чже Цонкапы (1357–1419), признанного духовного учителя тибетского буддизма и основателя школы Гелуг, на основе которой сформировалась традиция российских буддистов [\[30\]](#).

Интересно было бы провести и экспериментальные измерения воздействия этических идей символа веры на буддистов, как это сделали индонезийские психологи. Они предприняли попытку определить влияние «четырех безмерных» на сознание человека и его поведение. В ходе эксперимента студентам колледжа «Кертараджаса», замеченным в проявлении буллинга, было предложено размышлять о «четырех безмерных». Через полгода они признались, что поняли важность уважительного отношения к другим студентам для создания благоприятной, гармоничной атмосферы в колледже [\[31\]](#). Проведение подобного эксперимента позволило бы зафиксировать степень воздействия практики безмерной любви, безмерного сострадания, безмерной радости и безмерной равенности на сознание и поведение традиционных буддистов России.

Философско-антропологическое осмысление этической составляющей буддийского символа веры

Всесторонний философский анализ этики буддийского символа веры наряду с объективными факторами требует исследования и субъективной стороны вопроса. В современном философском дискурсе по-прежнему отмечаются методологические трудности в познании чужой субъективной реальности, однако определенные результаты можно получить благодаря философской герменевтике [\[32\]](#). Поскольку на данном этапе исследования будет иметься структурное видение буддийского символа веры, а также некоторые выводы психоанализа о роли страха и надежды в практике Прибежища, то можно будет составить представление об «археологии» субъекта в соответствии с

регрессивно-прогрессивной методологией философской герменевтики П. Рикёра [33]. Далее необходимо будет добавить феноменологический анализ для определения «телеологии» субъекта, что в итоге приведет к выявлению субъективного значения этического компонента символа веры для самих буддистов.

В качестве примеров схожих исследований следует привести работы зарубежных авторов, которые сосредоточили внимание на значении Прибежища для женщин-буддисток. К. Фицджеральд пришла к выводу, что регулярная религиозная практика принятия Прибежища совместно с интенсивными телесными простираниями для тибетских женщин означает освобождение от привязанностей и приближение к духовному просветлению [34]. Ш. Сух поделилась результатами своего интроспективного исследования в процессе медитативной практики Прибежища в течение длительного времени, отметив, что этот опыт стал способом преодоления проблем, возникающих в ее жизни из-за расовых предрассудков [35].

В связи с тем, что верующие могут иметь разные мотивы и, следовательно, разные интенции, в качестве дополнительного инструмента можно воспользоваться типологией религиозных личностей. Согласно классической типологии Г. Олпорта, мотивы верующих связаны с типом их религиозности, которая бывает внешней, то есть ориентированной на использование религии для личной выгоды, и внутренней, при которой верующий соизмеряет свои жизненные цели и ценности с религией [36, с. 130-137].

Имея в виду, что в пределах распространения тибетского буддизма широкой популярностью пользуется буддийская типология личностей по системе «ламрим», предлагается рассмотреть субъективную реальность верующих и через эту призму. На основании данной типологии те, кто проникается буддийской религией, делятся на три группы. Низший тип личностей видит в буддизме источник решения насущных проблем, средний тип личностей опирается на буддийское учение для личного освобождения от сансары, а личности высшего типа полностью посвящают свою жизнь духовному развитию вплоть до просветления для того, чтобы помочь всем живым существам избавиться от страданий и стать счастливыми [37].

Исходя из сочетания двух типологий религиозных личностей и их мотивов в отношении практики Прибежища, можно будет обозначить вероятные интенции буддистов и соответствующее субъективное значение этических идей, содержащихся в символе веры.

Выводы

Таким образом, программа исследования, включающая философско-культурологический, философско-религиоведческий и философско-антропологический подходы к исследованию этического компонента буддийского символа веры позволит последовательно решить следующие задачи: выделить в тексте «Прибежище» этические категории, установить их место в буддийском религиозном комплексе, проследить их влияние на верующих в процессе медитативной психотехники, выявить субъективное значение исследуемых этических идей для самих буддистов. При опоре на первоисточники и обширный эмпирический материал, полученный в результате востоковедных исследований, такой комплексный философский анализ символа веры российских буддистов приведет к обнаружению оснований их духовно-нравственных ценностей.

Библиография

1. Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011. 1045 с.
2. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1887. 512 с.
3. Бичеев Б. А. «Утро начини с молитвы, день проводи в мирских деяниях» (буддийская этика в наставлениях Усун Дебескертү-хана) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 872–882. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-872-882>
4. Музраева Д. Н. Сочинение «Сутра, повествующая о мыслях свиньи» из монгольского Ганджура // *Новый филологический вестник*. 2022. № 1(60). С. 376–384.
5. Ruangsang N., Klalod P. D., Meethaisong T., Ketnakorn P. S., Samantapasatiko P. S., Hanpong P. N. Cultural review: the role and status of the deities in Tibetan Buddhist practice // *Linguistics and Culture Review*. 2021. No. 5(S1). Pp. 609–616. <https://doi.org/10.21744/lingure.v5ns1.1445>
6. Preliminary prayers // *The Blaze of Non-Dual Bodhicittas. Study and Meditation Manual*. New Delhi: Tibet House, 2019. Pp. 3–8.
7. Степанянц М. Т. Философское востоковедение. К 100-летию Института философии РАН (1921–2021) // *Ориенталистика*. 2021. № 4(2). С. 344–362. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-344-362>
8. Лысенко В. Г. Ф. И. Щербатской и О. О. Розенберг о сравнительном методе в буддологии // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2008. Том № 1. С. 30–39.
9. Степин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // *Гуманитарные науки*. 2011. № 1. С. 8–17.
10. Универсалии восточных культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Изд. фирма «Вост. литература», 2001. 431 с.
11. Категории буддийской культуры / ред.-сост. Е. П. Островская. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. 320 с.
12. sKyabs 'gro // *Chos spyod rab gsal skal bzang skye bo'i mgul rgyan zhes bya ba zhugs so*. Mundgod: Drepung Loseling Library Society, 2001. Pp. 1–4.
13. Степанянц М. Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука; Восточная литература, 2020. 183 с.
14. Далай-лама. Мир тибетского буддизма. Обзор его философии и практики / пер. Б. Лаврентьева, М. Кожевниковой, А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2002. 226 с.
15. Dudjom Rinpoche Jigdreng Yeshe Dorje. The Nyingma School of Tibetan Buddhism / transl. and ed. by Gyurme Dorje and M. Kapstein. Boston: Wisdom Publ., 1991. 973 p.
16. Sakya Trichen Rinpoche. Freeing the Heart and Mind. Part Three: Teachings of the Sakya Path. Boston: Wisdom Publications, 2020. 176 p.
17. Калу Ринпоче. Углубленный буддизм. От Хинаяны к Ваджраяне / пер. А. Калютин. М.: Ориенталия, 2017. 346 с.
18. Ленков П. Д. Концепция «Трех Драгоценностей» в позднесредневековом даосизме и ее буддийские параллели: по тексту «Лун мэнь синь фа», XVII в. // *Вестник СПбГУКИ*. 2015. № 2(23). С. 64–68.
19. Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2004. 319 с.
20. Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира / пер. Н. Иноземцевой. М.:

- Фонд «Сохраним Тибет», 2016. 224 с.
21. Яблоков И. Н. Проблемы понимания религии // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 162–170. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-162-170>
 22. Ng E., Walsh Z. Vulnerability, Respose-Ability, and the Promise of Making Refuge // Religions. 2019. No. 10: 80. <https://doi.org/10.3390/rel10020080>
 23. Wijekoon S., Rudman D. L., Hand C., Polgar J. Taking Refuge in Religion: Buddhist-Oriented Coping following Late-Life Immigration // Canadian Journal on Aging / La Revue canadienne du vieillissement. 2022. No. 41(4). Pp. 620–630. <https://doi.org/10.1017/S0714980821000684>
 24. Tan L. O. Conceptualizing Buddhization: Malaysian Chinese Buddhists in Contemporary Malaysia // Religions. 2022. No. 13: 102. <https://doi.org/10.3390/rel13020102>
 25. Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. 1520 с.
 26. Dung dkar tshig mdzod chen mo. Pe cin: Krung go'i bod rig pa dpe skrung khang, 2002. 2390 с.
 27. Донец А. М. Роль надежды в духовной культуре махаяны // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 188–197.
 28. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1998. 384 с.
 29. Бичеев Б. А. Медитативная практика Прибежища // Буддизм Ваджраяны в России: история и современность: Сборник докладов Международной научно-практической конференции. СПб.: Unlimited Space, 2009. С. 101–104.
 30. bstan pa la 'jug pa'i sgo dam pa skyabs 'gro sbyang ba // rje tsong kha pa chen po'i gsung 'bum las byan chub lam rim che ba bzhugs so. Zi ling: Mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 2000. Pp. 131–158
 31. Febrianti I. The efforts to prevent bullying behavior through understanding Brahmanvihāra students of Kertarajasa Buddhist college // Jurnal Pencerahan. 2022. № 15(02). Pp. 44–55. <https://doi.org/10.58762/jupen.v15i02.73>
 32. Дубровский Д. И. Проблема познания чужой субъективной реальности // Философия науки. 2012. Т.17. №1. С. 24–39.
 33. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. С. Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. 624 с.
 34. Fitzgerald K. Preliminary Practices: Bloody Knees, Calloused Palms, and the Transformative Nature of Women's Labor // Religions. 2020. Is. 11(12). No. 636. <https://doi.org/10.3390/rel11120636>
 35. Suh S. A. Taking Refuge in the Body to Know the Self Anew: Buddhism, Race, and Embodiment // Asian and Asian American Women in Theology and Religion / ed. by P. Kwok. New York: Palgrave Macmillan Cham, 2020. Pp. 47–58. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36818-0_4
 36. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / пер. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 532 с.
 37. Атиша Чжово. Светоч на пути к Пробуждению / пер. А. Кугявичуса // Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2007. С. 1409–1420

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой попытку выявления «оснований этических ценностей» «российских буддистов». Автор обращает внимание читателя на так называемый «буддийский символ веры», несущий представление о «Трёх Драгоценностях». При этом он указывает на то, что эти религиозные символы (Три Драгоценности) «следует оценивать не как источник спасения, но как идеал, к которому стремятся буддисты, как их ориентир для самосовершенствования», то есть «спасение» может состояться только благодаря усилиям самого сторонника буддийского учения, а не «даруется ему свыше», как можно было бы ожидать плохо знакомому с особенностями буддизма читателю на основании «ложных аналогий» с христианством или исламом. Насколько можно судить, именно в необходимости признания значимости собственных усилий последователя буддийского учения и лежит, по мнению автора, источник «этического истолкования» «буддийского символа веры». Впрочем, эта мысль представлена в тексте не слишком отчётливо, и причиной сбивчивого изложения (в котором преобладает почти лишённое аналитических составляющих описание буддийских представлений), думается, является довольно искусственная попытка связать изложение буддийской нравственной концепции с внешними для неё «подходами» – «философско-культурологическим, философско-религиоведческим и философско-антропологическим». Автор напрасно следует «философской моде», побуждающей концептуализировать свою мировоззренческую позицию в форме неких «подходов», которые в действительности никак не связаны с нравственными установками буддизма и буддийским мировоззрением как целым. Нечто подобное можно сказать и о названии статьи, в котором выражение «дискурс философского востоковедения» является просто лишним, и о первом предложении основного текста, в котором потребность в «изучении оснований этических ценностей россиян, испытывающих влияние религиозных идей» обосновывается «ориентацией на прогрессивный путь развития поликонфессионального российского общества в сложных условиях современной действительности». Трудно отрешиться от впечатления, что «прогрессивный путь развития» заимствован автор из совсем других мировоззренческих концепций, с буддизмом никак не связанных. Целый ряд критических замечаний следует сделать и в отношении способа подачи материала. Непонятно, почему автор нарушает порядок оформления ссылок и цитирования, ведь в текст статьи не следует вносить описание источника, указывается лишь цифра, соответствующая порядковому номеру в списке литературы, и при необходимости указание на страницы. Далее, целый ряд выражений нуждаются в пояснении, особенно много таких выражений в заключительной части статьи. Например, что такое «глобальная этика»? Основное значение термина «этика» – это «раздел философии», «философская дисциплина», а не совокупность тех или иных нравственных установлений (даже если «глобальный список» подобных и можно помыслить). Или, например, автор говорит о возможности «проследить их («этических категорий», – рецензент) стабилизацию в процессе медитативной психотехники». Как категории могут «стабилизироваться»? Много и просто неудачных выражений, которые, думается, автор может снять или переформулировать: «вероятное субъективное значение исследуемых этических идей для самих буддистов» (почему «вероятное?»), «ежедневная рутина буддиста», и т.п. Встречаются также стилистические и пунктуационные ошибки («с учетом данных положений, каким же образом...», – крайне неудачный синтаксис; «исходя из этого, цель...», – здесь нет деепричастного оборота, запятая не нужна; «неотрывной связи с человеком», – «неразрывной»? и т.п.). На основании сказанного представляется правильным сделать вывод, что статья до

публикации в научном журнале должна быть существенно переработана.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Методологические основы исследования этического компонента буддийского символа веры» выступают: философско-культурологический, философско-религиоведческий и философско-антропологический подходы. Автор оценивает их эвристический потенциал в отношении изучения вероучительных текстов буддизма, известных под названием «Прибежища» или «символа веры» буддизма. Автор в начале работы замечает, что именно «Прибежище» является краеугольным камнем тибетского буддизма, следование его канонам традиционно считается залогом успешной реинкарнации. Однако, как следует из текста статьи, методология исследования этого свода правил до конца не разработана, а ошибки в ее определении чреваты внутренними противоречиями, с которыми может столкнуться исследователь. Для избежания таких противоречий в будущем автор статьи и предлагает определиться с методологическими основаниями изучения «Прибежища». Таким образом, рассматриваемая статья служит методологическим введением к будущему исследованию этического компонента буддийского «символа веры». Автор ставит себе целью обосновать философскую методологию изучения «Прибежища», ежедневно цитируемого традиционными буддистами России.

Методология исследования методологических оснований изучения названного вероучительного текста основывается на сравнительном анализе существующих подходов философско-востоковедческой парадигмы, историческом анализе практик изучения текста «Прибежища», а также принципе абдукции.

Актуальность изучения этических установок тибетского буддизма вытекает из необходимости сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей российского общества, включающего в себя не только последователей христианского вероучения, но и калмыков, бурят, тувинцев, алтайцев - традиционных буддистов России.

Научная новизна исследования заключается во многом в исследовательской программе, началом которой выступает данная статья. Разрабатываемая в ней методология изучения «Прибежища», позволит в дальнейшем выделить в тексте основные этические категории, установить их место в буддийском религиозном комплексе, проследить их влияние на верующих в процессе медитативной психотехники, выявить субъективное значение исследуемых этических идей для самих буддистов.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме, отражая три основных методологических подхода, декларируемые автором в качестве исследовательской парадигмы. В части «Философско-культурологическое измерение этического компонента символа веры буддистов» автор рассматривает эвристический потенциал принципа «когнитивной скромности», требующего признания равнозначности и равноценности западных и восточных культур, их теоретических и методологических разработок, применительно к изучению этических установлений «Прибежища». С помощью этого подхода можно будет оценить этические идеалы, известные как «Четыре безмерных», которые приобретают смысл лишь в контексте альтруистической устремленности к просветлению. Сравнение этических идей буддийского символа веры с

нравственными идеалами добуддийских верований позволит оценить степень влияния буддизма на традиционную культуру калмыков, бурят, тувинцев, алтайцев. А в перспективе, возможно и попытаться увидеть пересечение этих установлений с западными этическими принципами, что указывает на возможность успешного применения компаративистских исследований. В части «Философско-религиоведческий подход к изучению этики буддийского текста «Прибежище» автор обращается к психологическому аспекту буддийского символа веры и его связи с медитативными восточными практиками. «Философско-антропологическое осмысление этической составляющей буддийского символа веры» показывает возможности применения герменевтического анализа текста «Прибежище» и продуктивности использования типологии религиозных личностей Г. Олпорта.

Библиография статьи включает 37 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует на протяжении всего текста. Автор очень внимательно относится к опыту изучения буддизма в целом и тибетского буддизма в частности, указывает на авторство тех или иных подходов, сопоставляет свои наработки с идеями В. С. Степина, А. М. Донца, Б. А. Бичеева, К. Фицджеральд, Ш. Сух и др.

Текст статьи будет интересен всем исследователям буддистских верочительных текстов, верований будстов России, а так же исследователей работающих в области методологии гуманитарных наук.